

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВА КРИЗИСА И ИДЕЯ ЮБИЛЕЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИТАЛИИ*

Понятие «кризис эпохи» подразумевает анализ особых моделей поведения, моральных и религиозных требований, которыми эпоха маркируется не меньше, чем войнами или сменой династий, восстаниями или неурожайными годами, эпидемиями и климатическими аномалиями. Учреждение христианских юбилеев – нововведение, которым открывается период Треченто, – несомненно, можно отнести и к революционным изменениям, и к кризисным моментам истории. Более того, поскольку современники изучаемой эпохи не располагали статистикой, доступной историку, не оперировали экономическими и демографическими показателями, то и опора на «данные» в любом известном нам доиндустриальном и даже до-информационном историческом сообществе уступает возможностям использования опорных стереотипов – традиционных либо по каким-то причинам сиюминутно привлекательных или входящих в моду идей и манер поведения.

Зададимся, прежде всего, вопросом: что такое кризис и что есть свидетельство о нем? Термин «кризис» – недостаточно четкий и однозначный, он позволяет несколько интерпретаций, что не удивительно, поскольку передаваемое понятие является весьма сложным; в некоторых трактовках даже создается образ, не просто пересекающийся, но почти совпадающий с историографическим образом социальной революции¹.

* Статья выполнена в рамках проекта «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

¹ Среди многочисленных симпозиумов и конференций, посвященных теме кризиса Треченто, отметим научный форум, проходивший в Италии, но, выстраивавший общеевропейский контекст эпохи: кризисов и мятежей, революционных изменений потрясавших Европу после 1300 и на протяжении всего века: *Rivolte urbane e rivolte contadine nell'Europa*

Принципиально важно, позиционирует ли исследователь кризис как нечто пиковое и моментальное, или же протяженное явление со своей предысторией и перспективой развития. Период Треченто в историографии итальянской истории традиционно фигурирует как время кризисов и перемен – революционных изменений² и религиозных исканий³, переустройства городского самоуправления и перестройки сеньориальной системы, оставивших разнообразные следы в документах эпохи и долгой исторической памяти. Общепринято и более узкое определение – «кризис Треченто», но даже в этом случае термин, относящийся к XIV веку, подразумевает, по большей части, его вторую половину, прошедшую под знаком Черной смерти – эпидемий чумы, троекратно случившихся именно в этот период и вызвавших глубокие перемены в развитии общества на фоне демографического коллапса⁴.

Для XIII в., и даже для большей части печально знаменитого периода Треченто, неоднократно можно говорить не о кризисах как моментах упадка, но именно о структурных перестройках общества (в том числе на пике процветания и обогащения социума). Отметим также, что в случае отлично до-

del Trecento: un confronto (Firenze, 30 marzo-1 aprile 2006). В резюме этой конференции было отмечено, что сам термин революция был как бы вновь введен в историографический дискурс после некоторой цезуры.

² Не рискуя употреблять фигурирующий в европейской историографии, но излишне политизированный в России термин «революции», применительно к кризисным периодам, ограничимся ссылкой на содержательную монографию, разбирающую практически все оттенки смысла, мобилизуемые историками и социологами Европы и Северной Америки в связи с использованием термина «революция» при анализе социальной истории в моменты резких перемен: *Kotowski C. M. Revolution in Social Science Concepts. A Systematic Analysis*, Beverly Hills, 1984.

³ *Branca V. Note sulla letteratura religiosa del Trecento // La Nuova Italia. X. 1939. P. 198-212; Sapegno N. Storia letteraria del Trecento. Milano-Napoli, 1963; Getto G. Letteratura religiosa del Trecento. Firenze, 1967; Petrocchi G. Ascesi e mistica trecentesca, Firenze, 1957; Tartaro A. Scrittori devoti, in La letteratura italiana. Storia e testi / A cura di C. Muscetta. Vol. II. Bari, 1972. P. 433-515.*

⁴ *Morire di peste... tiche e interpretazioni moderne della "peste nera" del 1348 / A cura di O. Capitani, Bologna 1995; Simoneschi L. Ordinamenti suntuari pisani per gli anni 1350-1368 (per nozze). Pisa, 1889.*

кументированной жизни позднего средневековья в Италии у историков имеется возможность судить о сдвигах в общественном сознании в соответствующие периоды, о трансформации социальных ролей и смене представлений и клише поведения – от религиозного до экономического характера.

Мне представляется более интересным и удачным в плане дальнейшей исследовательской стратегии то представление о кризисе, которое акцентирует внимание не на моменте упадка и утраты импульсов развития, но позволяет не упускать из виду, как распространяющееся в социуме предвосхищение, предощущение негативных или просто новационных отрезков общественного развития, так и дальнейшие перспективы, раскрывающиеся через кризисы. Такое историческое понятие кризиса эпохи подразумевает анализ особых моделей поведения, моральных и религиозных требований, которыми маркируется эпоха ничуть не хуже, чем войнами или сменой династий, восстаниями или неурожайными годами, эпидемиями и климатическими аномалиями.

В подобной широкой трактовке восприятие кризиса ближе к представлению о революции, но в не социальном, а в религиозном дискурсе (*revolutio* как воскресение), и в этом смысле учреждение христианских юбилеев – нововведение, которым открывается период Треченто, – можно отнести и к революционным изменениям и к кризисным моментам истории. Более того, смело можно предположить, что, поскольку современники не располагают статистикой, доступной историку, не оперируют рядом экономических и демографических показателей, то и опора на «данные» в любом известном нам до-индустриальном и даже до-информационном историческом сообществе уступает возможностям использования опорных стереотипов – традиционных или по каким-то причинам сиюминутно привлекательных или входящих в моду идей и манер поведения.

Такие модусы поведения не всегда являются прямолинейным отражением экономической ситуации и не обязательно рациональны по своей природе. И, даже когда мы имеем дело с резко драматическими моментами истории, такими как «черная смерть» Треченто, реакции отдельных больших сообществ и малых социумов явно не так буквально повторяют кризисные

сценарии, предписанные им постфактум историками, а компенсаторные механизмы упреждают и даже снимают чисто пессимистические настроения, меняя их на более амбивалентные дискурсы, которые, вероятно, несли не только известные нам литературные герои Декамерона, но неизвестные современники катастрофы.

При изучении причудливых отражений исторических социальных трансформаций в коллективной исторической памяти, вполне применимы, (в данный момент ставшие общепринятыми в академическом сообществе, если не классическими) теории Пьера Бурдьё о непрямом характере взаимоотношений социального поля с другими полями. И, тем более, не вызывает никаких сомнений, что логика средневекового рефлексирования не может совершенно адекватно восприниматься современным сознанием.

Слово «свидетельство» – само по себе – также вызывает противоречивые ассоциации. У сторонников позитивизма и истории в формате «как это было на самом деле» есть иллюзия объективности свидетельства. Свидетельство в такой интерпретации – это то, что отражает суть дела, причем ценность свидетельства – в том, насколько оно объективно. Таким образом, круг замыкается.

Но есть и иная точка зрения: свидетельство – это субъективное отражение, и ценное именно своей специфичностью. Наиболее последовательно и филигранно этот тезис был представлен известным медиевистом Ж. Дюби почти четыре десятилетия назад в такой краткой форме: «поведение и действия людей не обусловлены непосредственно действительностью, они обусловлены ее образами, которые составили себе люди и которые управляют их действиями»⁵.

Соответственно, историку не просто следует, а единственно возможно изучать именно формирующие и формируемые «опорные образы», не важно, будут ли это исторически изменчивые представления, сиюминутно принятые как объективная истина в том или ином социуме, или же традиционные

⁵ *Duby G. Histoire sociale et idéologie des sociétés / J. Le Goff, P. Nora (Ed.) Faire de l'histoire. T. 1: Nouveaux problèmes. Paris, 1974. P. 148.*

стереотипы, достаточно долго принимаемые на веру сменяющимися поколениями. Не стоит говорить, что это отказ от поиска некой «объективной истины» и приближения к ней, это – всего лишь отказ от ложного противопоставления, придуманного не так давно, но прочно вошедшего в лексикон историка. Тому, кто мыслит не предвзято, трудно не согласиться с тем, что «все эти оппозиции между макро- и микро-, объективностью и субъективностью или, как в сегодняшней исторической науке, между экономическим и политическим анализом и т.д. – это искусственные противопоставления, не выдерживающие и трех секунд теоретического рассмотрения»⁶.

Те примеры, которыми мы собираемся заняться, как раз и показывают, насколько причудливо и неразрывно связаны людские «представления» и экономически и политически значимые деяния, напомнить о том, что, по крайней мере, для членов средневекового социума, индивидуальные поступки и массовые предприятия являются такой же реальностью, как и попечение о вечном спасении или цена прегрешений, в которые вводит сиюминутная мода. При этом анализировать представления, распознавать образы – значит, разумеется, не только и не столько исследовать литературные клише и метафоры, произведения изобразительного искусства, те или иные авторские высказывания, сколько изучать коллективные высказывания, своеобразное кредо малого социума. От имени социума (через набор понятных этому сообществу клише) могли транслироваться отдельными лицами или группой лиц, облеченных общественным доверием, стереотипы недолжного или наоборот, благочестивого поведения, нормативные способы демонстрации роскоши, привилегий, достоинства и знатности, подобным же образом формулировались клише восприятия обязанностей, верности, должного и недолжного способа трат, индивидуального спасения и общего блага.

Важным источником для исследования, естественно, являются образы, которые запечатлели создатели популярных сочинений религиозного содержания, творцы образцовых

⁶ Бурдые П., Шартье Р. Люди с историями, люди без историй // Новое литературное обозрение. 2003. № 60.

проповедей⁷. Однако это далеко не единственный «след», оставленный нам «историей» или, точнее говоря, мифологией социальных кризисов и трансформаций. Перед исследователем открываются возможности рассмотреть, как средство ретрансляции традиционных или новоизобретенных клише относительно кризисного состояния общества и поисков путей спасения – проповеди и публичные ритуалы покаяния, о которых мы имеем представления по ряду зафиксированных письменных образцов, votivные изображения, надгробия и места захоронения при церквах, отмеченные фресковой живописью, на которой обычно представлен покойный со святыми покровителями и свидетельствами своих добрых дел, правовое письменное изложение последней воли и обоснования дарений в пользу церкви, точнее – в пользу той или иной конкретной церкви, прихода, религиозного братства.

Следует пояснить, что огромную роль в этом ряду играют (бесспорно относящиеся к числу значимых стереотипов) общепринятые нормы права. Ценные материалы и примеры могут дать исследователю как статуты сельской или городской общины, консортерии, религиозного братства, так и хроники и даже образцы эпистолярного жанра, нотариальные акты и судебные казусы, связанные с нормативным восприятием привилегий и обязанностей, роскоши, достоинства и знатности. Правовые формулы – это яркие представления, свойственные менталитету средневекового человека, жившего в итальянских землях в XIII в., в период Треченто, своеобразные стереотипы и общеиз-

⁷ Относительно религиозных авторов и идей Треченто библиографический лист, который можно представить, обширен настолько, что обычно указывается не только литература общего характера (*Levasti A. Mistici del Duecento e del Trecento. Milano, 1960; De Luca G. Prosatori minori del Trecento. T. I. Scrittori di religion. Milano-Napoli, 1954; Croce B. Poesia popolare e poesia d'arte. Bari, 1933. P. 163-187; Branca V. Note sulla letteratura religiosa del Trecento...; Sapegno N. Il Trecento. Milano, 1952. P. 499-570; Sapegno N. Storia letteraria del Trecento...; Getto G. Letteratura religiosa del Trecento...; Petrocchi G. Ascesi e mistica trecentesca...; Petrocchi G. Cultura e poesia del Trecento, in Storia della letteratura italiana / A cura di E. Cecchi e N. Sapegno. Vol. II. Milano, 1965. P. 637-682; Tartaro A. Scrittori devoti, in La letteratura italiana...), но и списки значимых публикаций по отдельным персоналиям.*

вестные нормы, в то же время, вызывающие вопросы и интерпретации (см. например, публикации Манлио Белломо⁸ или глобальный Интернет-проект *Iura Communia* (il sito del diritto comune). Но также историку следует уделить внимание и совсем другими стереотипам, не менее, а может быть более остро и реально воспринимавшиеся современниками периода Треченто: прежде всего, вопросами загробной участи и путей спасения, достигаемых через свершения социальных и имущественных актов, способствующих избавлению от грехов.

Естественно, что и вопрос о социокультурных трансформациях, кризисах в развитии общины связан с изменениями представлений о должной и недолжной роскоши, что особое внимание к проблеме демонстрации богатства или изменение отношения к роскоши и нарочитым тратам может послужить маркером кризиса и явиться спутником переломных моментов в истории общины (причем, наиболее документированным явлением борьбы с роскошью оказалось в Италии); это социально-правовое наследие борьбы с роскошью сохранялось на итальянской земле от Античности к Ренессансу и Новому времени, но видимо, каждый раз актуализировалось с новыми оттенками значения⁹. Вместе и одновременно с вопросами, ко-

⁸ *Bellomo M.* I fatti e il diritto: tra le certezze e i dubbi dei giuristi medievali (secoli 13.-14.) / Cura di Manlio Bellomo. Roma: Il Cigno Galileo Galilei, c2000. Collocazione: ECC 340.55 LIB 27; *Bellomo M.* Medioevo edito e inedito / Cura di Manlio Bellomo. Roma: Il Cigno Galileo Galilei, c1997. Collocazione: ECC 340.55 LIB 20.1-3.

⁹ *Paoli U. E.* Vita romana. Usi, costumi, istituzioni, tradizioni. Cles (Trento), 1980 (1 ed. – 1962). P. 90-96; *Eisenbart L. C.* Kleiderordnungen der deutschen Städte zwischen 1350 und 1700. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des deutschen Bürgertums. Göttingen-Berlin-Frankfurt, 1962; *Bulst N.* Zum Problem städtischer und territorialer Kleider-, Aufwands und Luxusgesetzgebung in Deutschland (13.–Mitte 16. Jahrhundert) // *Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'Etat* / A. Gouron, A. Rigaudière. Montpellier, 1992. P. 29-57; *Le discours du costume chez Gil Vicente* // *Nouvele Revue du Seizième Siècle.* 13/2. 1995. P. 165-170; *Muzzarelli M. G.* Gli inganni delle apparenze. Torino, 1996 (особенно глава под названием «Tre secoli della normative sontuaria bolognese»); *Zanella G.* Italia, Francia e Germania: una storiografia a confronto // *La peste nera: dati di una realtà ed elementi di una interpretazione.* Spoleto, 1994 (Atti del Convegno internazionale dell'Accademia Tudertina del 1993). P. 49-135.

которые вызывают недолжные траты на суету, проблемы «добродетельных трат» приобретают особую остроту и оживленно дискутируются всеми: и мирянами, и клириками, и купцами, и нищенствующими.

Названные выше темы: во-первых, история борьбы общины (цивитас) с роскошью и история демонстрации статусных различий; затем – вопросы завещаний мирян в пользу церкви, конкретно – пожертвований в пользу новых религиозных нищенствующих братств и на различные виды благотворительности денежных средств, движимости и недвижимости; и наконец, проблема возникновения традиции христианских юбилеев и их социальных последствий для Рима, Италии и христианского мира в целом – представляются магистральными и ключевыми для исследования социальной жизни итальянских земель.

Все эти тематические блоки исследовались мной на протяжении нескольких лет по отдельности. Но поскольку данные феномены актуализируются в близких, если не общих хронологических рамках, возникла идея объединить эти темы исторического анализа вместе исследовательскими ходами, связанными между собой и образующими систему изучения стереотипов демонстрации и использования богатства, восприятия бедности и ее ре-актуализации, идеи богоугодности нищеты, а также роли богатств и материальных благ в жизни церкви на рубеже периода Треченто. Так, например, сюжет отношения к роскоши в городской общине важен сам по себе, и в схоластических целях может и должен быть обособлен и прослежен в многовековом развитии цивитас Италии. Но, в то же время, специфическое отношение к роскоши, выработанное средневековьем, именно латинским христианским миром, требует прояснения взаимосвязей, казалось бы, антагонистических идей и компонентов культуры, а именно, оппозиций: община светская – община церковная, легальность демонстрации статусных различий – и проповедь самоограничения, а также смирения и почитания бедности. Постараемся совместить в одном исследовательском поле зрения темы: 1) истории роскоши, демонстрация которой имела иногда чисто символический и статусный характер, а не показывала жажду присвоения как таковую; 2) проповеди святой бедности и идеалов нищенствования (подчас оброставших

огромным грузом имущественных проблем) и вытекающие отсюда проблемы роли благочестивых трат и пожертвований; 3) формирование в народном сознании идеи «искупления юбилейного года»: потребность в ментальной модели «общедоступного» спасения, приобретаемого также и ценой пожертвованных материальных средств и издержек дальнего паломничества; историческая память о юбилеях, требования повторения юбилеев, и их последствия.

Все вопросы могут быть связаны рядом исследовательских перспектив, поэтому очередность их рассмотрения не может быть совершенно жесткой. Первым блоком вопросов как будто бы правильнее будет рассмотреть именно вопрос о запретах на роскошь, поскольку идея борьбы гражданской общины с роскошью является наиболее протяженной в истории. С другой стороны, античные идеалы борьбы с роскошью в среде ее членов актуализируются в определенные исторические моменты. Если же мы обратимся к вопросам инвестиций во спасение души, призывам и проповедям нового идеала благочестия, и, наконец, рассмотрим, проблему возникновения христианских юбилеев-отпущений, то и здесь, безусловно, существует глубокий культурный слой, который выходит на поверхность неоднократно или многократно, но не постоянно, часто скрыт от наших глаз и суждений. И именно в таких разломах исторической почвы, при трансформационных сдвигах и на пике кризиса или в его преддверии, на первый взгляд, далекие друг от друга явления можно увидеть как взаимопроникающие, связанные.

При этом надо отметить, что понимание глубинной роли представлений, руководящих людьми, нисколько не отрицает того, что адепты этого научного взгляда, не в меньшей, а может быть и в большей степени, чем марксисты, должны изучать систему социальных казусов и практик, связанных с религиозными представлениями или чаяниями и идеалами, анализировать двойственность природы этих идеалов и амбивалентность социальных последствий духовных поисков, исследовать особенности возникновения стереотипов поведения, имеющих прототипы, но далеко не всегда эти прототипы напоминающих.

Так, великодушный и изначально совершенно иррациональный жест молодого Св. Франциска из Ассизи, буквально

разорявшего богатство рачительного отца, стал рациональной и даже – благодаря распространению учения миноритов – ритуализированной стереотипной стратегией, закрепленной в особых институтах¹⁰. Но, конечно, более озабоченными небесным благом (приобретаемым за материальные средства) обычно были не юнцы, а люди почтенного возраста – те, кто заранее готовился к тому, чтобы облегчить свою душу в виду скорого перехода в загробный мир, не просто дарители *inter vivos*, а завещатели на пороге смерти или родственники покойных, желавших отметить себя благими пожертвованиями. Вовсе не обязательно бунтари, бросающие вызов почтенному образу жизни и богатству отцов, являются проводниками религиозных исканий, но также и подобные отцу Франциска почтенные обыватели, зажиточные люди, бывают вполне в состоянии не только отринуть, но и создать собственный религиозный идеал, а также и вполне материальный пьедестал для него! Процесс же перетекания благ мирских в чаяния загробного блаженства, который эти почтенные отцы семейств инициировали рядом жертвований и дарений, материальной поддержкой избранных конгрегаций, культов, монастырей и капелл, предполагаемых мест последнего упокоения, можно назвать, согласно меткому выражению одного из современных исследователей Микеле Баччи, «инвестициями в потустороннее» (*investimenti per l'aldilà*)¹¹.

Эти благочестивые инвестиции на пороге Треченто становятся почти так же значимы, как и знаменитые постройки

¹⁰ См. по истории францисканства: *Manzoni L.* Studi sui F. di s.F. // *Miscellanea francescana*. III (1888); *Garavani G.* Il Floretum di Ugolino da Monte Giorgio e i F. di s.F. // *Atti e Memorie della Deputaz. di Storia patria delle Marche*. I (1904), e II (1905); *Garavani G.* La questione storica dei F. di s.F. e il loro posto nella storia dell'Ordine // *Rivista storico-critica delle scienze teologiche*. II (1905); *Facchinetti V.* Intorno ai F. Quaracchi, 1918; *Bughetti V.* Alcune idee fondamentali sui f di s.F. // *Archiv. Franc. Histor.* XIX (1926). P. 321-333; *Marconi A.* Attorno agli autori dei F. // *Studi francescani*. XII (1926). P. 355-366; *Terracini B. A.* Appunti su alcune fonti dei F. // *Bollettino critico di cose francescane*. III (1930); *Tosi G.* La lingua dei F. di s.F. Messina-Milano, 1938; *Pellegrini L.* I F. del glorioso messere ecc. // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa, classe Lettere*, XXI (1952). Pp. 1-27.

¹¹ *Bacci M.* Investimenti per l'aldilà. Arte e raccomandazione dell'anima nel Medioevo. Bari: Laterza, 2003.

пирамид и интерес к загробной жизни в целом в древней египетской цивилизации, однако, имеют иную побудительную причину и иную цель: перемену неотвратимой участи, а не посмертного комфорта и почета, предназначенного почившему. То, что являлось в древнем мире побудителем предварительной заботы живущего о собственной иной жизни, по видимому, исключало идею посмертной помощи со стороны живущих тем, кто уже оставил сей мир. В средневековом же сознании первостепенной была идея передачи какому-то поручителю и наследнику заботы о душе завещателя и дарителя (это мог быть и формальный прокуратор, и любое светское лицо, вместе с наследством принявшее обязательство молиться за упокой души своего благодетеля и конкретная приходская или орденская церковь). В ранний период средневековья Церковь получала щедрые дары, в том числе недвижимость, за счет чего и стала крупным землевладельцем. В период позднего средневековья такой энтузиазм как будто исчерпался, по крайней мере, по отношению к традиционным институтам церкви, но только для того, чтобы смениться новой волной благочестивых пожертвований в основном в пользу новых церквей и религиозных орденов, сначала обосновавших свои центры подле стен города, а потом уже смело занявших само городское пространство.

Опорой новых религиозных начинаний, в частности нищенствующих, стали отнюдь не бедняки, но преуспевающие крепкие горожане, семьи из костяка городской коммуны. Именно эти лучшие люди города: купцы, богатые ремесленники, нотариусы и судейские, своими прижизненными дарениями и завещаниями, религиозным выбором, сделанным в пользу нищенствующих, а не приходского клира, связью с общинами францисканцев или доминиканцев, не прекращавшейся и со смертью благодетеля, в очередной раз революционно изменили основу и взаимоотношений клира и мира, а, значит, и ввели множество социальных практик и клише менталитета. Именно о многочисленных завещаниях и дарениях благочестивых горожан напоминают сохранившиеся до сих пор памятники, особенно часто создававшиеся во второй половине 13в. и Треченто.

Причудливые надгробные памятники, пояснительные надписи и изображения почившего, предстоящего в молитвенной позе перед святыми покровителями и самой и Богородицей с Христом, должны были засвидетельствовать благочестивый вклад, внесенный им при жизни в дело спасения души, а также и способствовать континуитету памяти, они призваны были обратить внимание на себя проходящих мимо ближних и дальних, заставить их сотворить соответствующую случаю молитву или, хотя бы, в кратких словах помянуть покойного – призвать небесных покровителей молиться о спасении его души. Но, естественно, не ограничиваясь этой возможностью случайного благочестивого поминовения, средневековый итальянец стремился обеспечить себе гарантированную посмертную заботу о душе.

Есть предположения о том, что и имена и даты покойных, указанные при захоронениях в капеллах должны были напомнить отправлявшим службы клирикам о заслугах покойного, оставившего по себе особую память в виде пожертвований на заупокойные службы и собственно о датах поминовения. Итальянец средневековой эпохи при этом стремился не просто оставить знак живым, «чтобы помнили», а добиться памяти и заботы как законного результата в лучших правовых традициях. Завещания и вопросы прижизненного распоряжения имуществом получают в этой связи особую роль, далеко выходящую за рамки собственно экономической или правовой истории, перетекая в сферу истории ментальности, или истории религиозных институтов: например, под таким углом зрения в новом свете предстает развитие церковного прихода и новых средневековых орденских церквей, которым адресовались различные пожертвования.

Продолжением озабоченности инвестициями в загробный мир стало и низовое, по сути народное чаяние, и даже требования от церкви особого юбилейного года отпущения и прощения грехов, что явилось началом далеко идущей практики индульгенций. С другой стороны, параллельно с представлениями о должном, хотя, казалось бы, совершенно иррациональном инвестировании в будущую жизнь души с приличествующей роскошью демонстрации благочестия, формировался и стереотип недолжной роскоши, хотя и та суетная роскошь

была призвана в сущности к тем же целям – продемонстрировать смелость затрат, которые может на себя принять достойный горожанин или видное семейство.

Не случайно борьба против роскоши включала в период Древнего Рима контроль за пышностью погребений. Мы знаем, что не у всех народов роскошь воспринималась как нечто предосудительное, но именно Рим – и античный, и ренессансный – дает такие яркие примеры осуждения роскоши обществом. В некоторых обществах против роскоши выступали религиозные авторитеты или отдельные морализаторы. И лишь в особых случаях мы можем увидеть серьезные усилия, направленные против роскоши, подрывающей основы стабильности общины, причем облеченные в форму закона, проводимого светскими властями. Разнообразные меры, направленные на обуздание роскоши в древнем Риме, получили название *leges sumptuariae*, и этот термин (или его калька *leggi suntuarie* на нарождающемся народном языке вольгаре) стал использоваться для обозначения аналогичных мер, предпринимавшихся в период средневековья с XIII в. и до Нового времени.

Эволюция сумптуарного законодательства, его отражение в исторической памяти, проблемы ре-актуализации и мифологизации данной идеи, заслуживают внимания не столько историков права, сколько специалистов по интеллектуальной истории, а также исследователей социального устройства и общественных институтов. При всей, казалось бы, очевидности и наглядности бытовых представлений о роскоши, которые так или иначе имеет всякий обыватель, вопрос о том, какие проблемы таит в себе историческое понятие роскошь (*sumptus*) не так прост, особенно, если рассматривать эволюцию его восприятия в большой длительности, применительно к периоду от античности до Ренессанса. К тратам, которые непосредственно соприкасались с понятием *sumptus*, еще в античности относили издержки на погребение, строительство богато отделанных зданий, судебные расходы, пиры и отдельные виды лакомств, одежды, отдельные элементы платья, украшения и благовония. Но этот перечислительный подход к описанию истории *sumptus* совершенно не достаточен, так как основную смысловую нагрузку несут изменения в представле-

ниях о роскошном, смена парадигм восприятия, которую надо изучать казуально, но и компаративно. Здесь же достаточно отметить, что именно в период Треченто усилились акценты статусно обоснованной демонстрации важности семейных драгоценностей и пышных новомодных одеяний, обострилось восприятие должной и недолжной роскоши. Однако, в целом, можно сказать, что представления о роскоши бывают в отдельные периоды истории настолько переменчивы и трудно объяснимы для тех, кто не был приобщен к этим представлениям с детства, что историку требуется рассматривать каждый из случаев злоупотребления, излишних трат и демонстрации того, что в данный момент входит в понятие роскоши в том или ином своеобразном историческом контексте.

Вслед за Тацитом, законотворцам, предпринимавшим попытки обуздать роскошь, и кабинетным ученым нашего времени, изучающим историю роскоши и борьбы с ней, оставалось лишь вопрошать: «Что запретить или ограничить, возвращаясь к прежним обычаям? Огромные размеры загородных поместий? Число рабов и их принадлежность к множеству различных племен? Вес золотой и серебряной утвари? Чудеса, созданные в бронзе и картинах? Одинаковые одеяния мужчин и женщин или пристрастия одних только женщин?» (Тас. *Ann.* III. 53).

Приведенный пассаж сочинения популярного античного автора наводит на ряд соображений. Во-первых, показательно, что изначально, с римской античности запреты роскоши и попытки ее ограничивать риторически мотивировались моралистами как возможность возврата к «золотому» прошлому общины, к праведной жизни без излишеств. Этот мотив, как призыв к изначальной простоте и гармонии, может использоваться в различных исторических переходных ситуациях, переживаемых цивитас. Точно так, как невозможно без множества поправок говорить об античном законодательстве борьбы с роскошью, так и нельзя игнорировать параллели между античной риторикой и отдельными моментами борьбы с роскошью и пред-Ренессансом, периодом возрождения античности, когда и эти идеи установления контроля общины за излишними тратами ее членов возрождаются.

Кроме того, возникает вопрос о связи идей моралистов и законодателей эпохи, будь то христианская или дохристианская мораль, при традиционной особой озабоченности ревнителей нравственности всех эпох поведением и пристрастиями женщин. Особый блок вопросов соответственно связан с успешно развивающимися исследованиями мотивов регламентации в гендерной перспективе. Но также, говоря о христианском средневековье нельзя вынести за рамки вопросы истории церкви, приходов, религиозных братств, особенностей проповеди и исповеди, и даже юридического менталитета церковных деятелей средневековой Италии.

Если основную сюжетную линию исследования историка составляет изучение мер и законов, принимаемых общиной в целях борьбы против роскоши, нельзя упустить из вида того, что община, это еще и церковный мир, ценности которого отнюдь не являются вечными, но подвержены особым колебаниям религиозности, даже определенным ослеплениям вспышками религиозности – проще говоря, моде на тип религиозного поведения и способы его демонстрации. В Италии, в отличие от многих других исторических областей христианского Запада, особую юридическую форму и окраску получали и эти вопросы религиозной морали. Если взять для исторического анализа центральные области Италии – Тоскану и Папскую область, то станет очевидно, что проповедь идеала нищеты и смирения, предложенного новыми нищенствующими братствами, здесь прямо оказывала влияние на законодательство.

Список приобретений и трат, почитавшихся показательными для роскошного образа жизни в разные периоды истории и в разных областях, можно составить, используя как материалы нарративов, так и источники визуальной информации, что и делает ряд современных исследователей¹². Каждый из объектов, призванных к демонстрации роскоши, может составить сюжет исследования, интересный как историкам костюма, искусствоведом, археологам, так и историкам права, изучающим доку-

¹²См., например: *Dalby A. Empire of Pleasures. Luxury and Indulgence in the Roman World. London; New York, 2000; Muzzarelli M. G. Gli inganni delle apparenze. Torino, 1996.*

менты, связанные с погребениями или завещаниями и т.д. Таковую пеструю картину и представляет собой историография темы роскоши и борьбы с излишествами среди членов общины, как рядовых, так и принадлежащих к элите. Но сюжеты и подзаголовки истории историографии обычно разнесены на отдельные полки, и даже явно пересекающиеся линии рассматриваются изолированно. Если же принять во внимание сложную систему взаимодействия социальных полей, то развитие законов против роскоши, включенное в развитие *цивitas*, служит особым маркером динамики социальных процессов. Важные особенности организации общины и ее институтов, формирования элиты этой общины, понимания права в тот или иной период, в различных социумах – становятся понятными при рассмотрении темы роскоши и отношения закона к проявлениям роскоши со стороны отдельных представителей общины.

Что касается особенностей борьбы против роскоши средневековой *цивitas*, то основным отличием от положения дел в древнеримском государстве как будто бы должно было являться отсутствие постоянного вмешательства (как и поддержки) центральной власти в дела и траты общины.

Естественно, меняются некие мелкие объекты просто в связи с изменением костюма и моды (пуговицы, застёжки) или в связи с особенностями социальной стратификации в средневековье послабления получают другие группы: например, медики и судьи в средневековье пользуются особым статусом, как всадники или сенаторы в Риме. Иное сочетание светского и сакрального в средневековье диктует некоторые особенности (в землях Церкви). В таком университетском центре (прежде всего, центре изучения права) как Болонья исключения делались не только для жен рыцарей, но и докторов наук: по статутам Болоньи, которые составлялись нотариями, принадлежавшими к тому самому слою, который получал привилегии (1389 г.)¹³

Что касается динамики развития представлений о роскоши, то в целом складывается такая схема изложения исследовательских выводов: роскошь как статус – представление ста-

¹³ *Muzzarelli M. G.* Gli inganni delle apparenze (глава “Tre secoli della normative suntuaria bolognese”).

бильной эпохи. Не роскошь, а нарушение статуса – это преступление, согласно менталитету такого периода. Роскошь как подрыв общественных устоев – такое представление складывается в кризис. При этом акцент с недозволенной роскоши может переноситься на вопросы исполнения должных, хоть и еще менее рациональных трат – в пользу благотворительных начинаний и на помин души, о чем заботились задолго до явной угрозы кончины.

Рассматривая ряд сюжетов, связанных с историей миноритов, успехом их проповеди в городах и основными последствиями этого проникновения францисканства в жизнь членов приходских и городских общин, исследователь и читатель «историй» примет без колебания версию о том, что идея искупительного христианского юбилея родилась в этой мирской среде, пропитанной новыми религиозными чаяниями, а не предписана с высоты папского престола.

В канун рождества под 1300 г. толпа верующих как будто бы стихийно стала требовать от понтифика особого юбилейного отпущения грехов. Папа, справившись с церковными хрониками, не нашел никакого прямого аналога в истории церкви для установления традиции юбилейных торжеств с провозглашением полного прощания грехов. Тем не менее, понтифик пошел на этот шаг и установил традицию, которая не только успешно привилась, но и не прерывается до сих пор (напротив, популярность римских юбилеев привела к тому, что их стали проводить сначала раз в 50, затем в 33 и даже 25 лет).

В феврале 1300 года папа Бонифаций учредил институт юбилейных святых лет, когда каждый пилигрим посетивший Рим и его древнейшие христианские святыни, прежде всего базилики Свв. Апостолов Петра и Павла, получали полное отпущение грехов. Для странников, проделавших дальний путь в Рим требовалось 15-кратное посещение мест культа Петра и Павла, Богородицы (базилик Санта Мария Маджоре и Санта Мария ин Трастевере) и Св. Креста (Санта Кроче ин Джерусалеме). Примечательно, что речь шла не о причастии, получаемом на богослужениях с папским присутствием в главных храмах латинского Запада, но именно о посещении «святых мест». Для историка этот акцент не удивительно подметить в общем

юбилейном дискурсе, учитывая уже описанный нами по источникам предшествующих десятилетий обостренный интерес к выстраиванию иерархии «более священных» и «менее религиозно почитаемых мест». Точно так же и вопросы, связанные с античной символикой Города, не казались отвлеченными в средневековом Риме. Наоборот, эти вопросы были насущными и ответы на то, как можно интерпретировать городскую символику, в том числе, символику античную, обсуждались весьма остро на протяжении римского средневековья с самыми практическими видами, например в связи с тем, какие районы города стоят в иерархии символических ценностей выше.

Отметим, что и для античного, и для средневекового сознания было характерным представление города Рима в виде льва, и употребление специального описания формы города как “*forma leonis*”. Этот образ был краеугольным для развития и восприятия средневековой римской *цивитас*¹⁴. Есть примеры образцов средневековой картографии, а также и нарративов, использующих этот образ¹⁵. Как можно интерпретировать символически нахождение сеньориальных или мест расположения пилигримов на карте Города? Голова или брюхо зверя – львиного образа средневекового Рима – включает в себе родовое гнездо того или иного римского семейства? Эти вопросы не потеряли своей остроты, а лишь приобрели особую значимость к концу средневековья и началу эпохи юбилеев. Символические репрезентации важны для любой городской общины, для городской культуры средневековья в целом. Рим – Вечный город – сам по себе был определенной моделью сакрального пространства, архетипом городской жизни и славы. Видимые свидетельства городской силы и мощи лишь отражали основные символические константы идеи Рима: этими свидетельствами являлись и прекрасные величественные общест-

¹⁴ *Guidoni E.* Roma e l'urbanistica del trecento // *Storia del arte italiana*. Torino, 1979-83. Т. V. P. 309-316.

¹⁵ Этот вопрос разбирается историками не часто, зато имеющиеся примеры анализа можно назвать блестящими. Образцовым исследованием, и по объему интерпретируемых источников, и разнообразию сюжетов, и по содержательности изложения, на мой взгляд, является: *Jacks Ph.* *Antiquarian and the myth of Antiquity*. Cambridge, 1993. P. 54.

венные и частные здания, многолюдность города, размах торжеств и празднеств, заказ масштабных фресковых росписей и грандиозных скульптур.

Как и в случае с выражением религиозности путем создания настенных фресковых росписей и восковых votivных изображений в местах последнего упокоения заказчиков, в почитаемых центрах францисканского духа и культа, точно так же, если не в большей степени, в римской истории, в том числе и истории римских юбилеев, немалую роль играли эстетические вкусы, патронаж над искусством и активное участие заказчиков в создании художественных программ, которые являются важным свидетельством эпохи.

Любопытно, что в течение многих веков средневековой римской истории не существовало конфронтации между клиром и миром Рима, не было эстетического диссонанса между вкусовыми предпочтениями римских церковных иерархов и горожанами Рима, или, по крайней мере, церкви и элиты общины, которая и выступала обычно в качестве заказчика. Это не удивительно, если проследить историческую близость римского папства и римского нобилитета, которая, сложившись в период Поздней Античности, стала чертой средневековой жизни Рима. Поэтому своеобразному «паганизму» – через влияние античного искусства – были подвержены произведения, выполненные по заказу не только донаторов-мирян, но и лиц духовного звания. Папские троны, стоявшие в *S. Maria in Cosmedin*, *S. Lorenzo in Lucina*, *S. Clemente*, поражают обилием подобных языческих элементов: декором, в котором преобладали играющие путти, гербы и венки античной формы.

Папство в лице образованных представителей итальянской элиты, прежде всего римского нобилитета занимало весьма активную позицию в деле освоения античного наследия и использования римского мифа для собственного политического усиления и морального авторитета. Именно в этом смысле можно констатировать, что на переломе столетий, в 1300 г., Бонифаций, папа из рода Каэтани, рожденный в Римской округе, образованный и ученый деятель церкви, опираясь на кардиналов также римского происхождения, смог осознать и совместить в

великом проекте римских юбилеев чаяния толпы пилигримов и риторику власти, прошлое и будущее Вечного города.

Возможно, кроме библейского концепта юбилея и святого года «отпущения» на основе семилетних циклов, сыграла свою роль и историческая память о традиции, известной как *ludi saeculares* и упомянутой Горацием *Carmen Saeculare*. Так или иначе, понтифик и римские кардиналы пошли навстречу пастве и решились на спорный шаг провозглашения юбилейного года. Появилась специальная папская булла, подводящая основание под нововведение *Antiquorum fida relati*, хотя в булле нет упоминания самого слова «юбилей». В названии же сочинения современника и идеолога нововведения – юбилея 1300 года – кардинала Якопо Стефанески (что важно – отпрыска исконно римских семейств *Stefaneschi* и *Orsini*) содержатся оба ключевых слова – «юбилей» и «столетие»: *De Centesimo seu Jubileo anno liber*.

Роль созданного усилиями пап и римской элиты и народным сознанием, прежде всего рассказами пилигримов, образа святого вечного города и его сакрального пространства в грандиозном предприятии юбилеев не вызывает сомнений. Не менее важно показать, что и идея возможности отпущения грехов именно в этом святом месте, но в определенные назначенные моменты или на строго определенных условиях, формировалась с двух сторон – как бы «сверху» и «снизу». Однако в этой связке, думается, определяющим было все же более широкое низовое влияние, религиозные импульсы и ритм социальной жизни, проявившийся к началу Треченто.

Примечательно, что народное требование римского отпущения грехов сформировалось и нашло свое воплощение в празднования юбилея задолго до того, как словно бич Божий на Европу и, прежде всего, Италию с ее перенаселенными городскими центрами, обрушилась чума. В требовании продолжения традиций юбилейных отпущений грехов эта трагедия черной смерти сыграла свою роль, но далеко не сразу.

Точно так же и ощущение конца времен, к которому необходимо было подготовиться через юбилейное прощение грехов, было сформировано предшествовавшими религиозными и мирскими общественными чаяниями, нашедшими свое

отражение и в борьбе городской общины с роскошью, и в переустройстве основ ее религиозной организации вокруг новых привлекательных принципов и практик отправления культа. Мы можем проследить эти тенденции обновления форм религиозности и ее агентов в общем картине развития городской жизни Центра и севера Италии от XIII столетия к Треченто, и в частных случаях. Один из таких ярких примеров привязанности городского купеческого рода к францисканской среде можно отметить особо, поскольку начало формирования религиозного выбора семейства Тиньозини из Лукки иллюстрируется множеством документов судебного характера. Глава рода Бонаджунта Тиньозини доказывал свое право покинуть приход, к которому семья как бы автоматически относилась по факту проживания в данном квартале города, и не только посещать мессы, проповеди и исповеди братьев общины миноритов, но и избрать францисканскую церковь местом последнего упокоения – в более достопочтенном и почитаемом месте культа, поручив тем же нищенствующим братьям свершить обряд погребения и служить за его душу заупокойные мессы (на что по завещанию были ассигнованы особые суммы). Добиться признания своей последней воли купец Бонаджунта смог лишь посмертно, зато этот исторический прецедент облегчил другим горожанам возможность свободы выбора церковной общины. Семья же Тиньозини своего выбора, по имеющимся у нас данным, придерживалась на протяжении нескольких поколений, и потомок Бонаджунты, живший в эпоху Треченто, также благодетельствовал миноритам и упокоился при церкви францисканской общины.

Францисканская религиозность уже не только как идеал благочестия, а как объединяющая религиозная практика, продолжала играть огромную роль в среде горожан Треченто – купцов, нотариев, судейских, т.е. людей, казалось бы, по роду своих занятий максимально дистанцированных от всего спиритуального, тем более – от служения «святой бедности». Тем не менее, интенсивность религиозных чувств представителей этой среды – воплощения *vita attiva* – не поддается сомнению, а умение перевоплощать мирские блага в благочестивые деяния поражает своими масштабами. Не удивительно, заметим в

скобках, что эти благочестивые жертвователи ожидали как вполне обоснованного и заслуженного дела и скорейшего спиритуального воздаяния – как бы методом двойной возгонки материального в духовное благо.

Мы можем приподнять завесу над миром чувств и мыслей людей, которые считались в свое время лучшими сынами города, читая произведения эпистолярного жанра, представляя себе авторов и адресатов личных писем¹⁶. Весьма интересный материал был собран под рубрикой «Религиозные писатели эпохи Треченто»¹⁷ и издан Джорджио Петрокки в 1974 г. В частности, обращает на себя внимание переписка нотариия и судьи Лаппо Матеи и купца Франческо Датини из Прато. Свежий взгляд на эпоху нотариев и стряпчих, и самих этих деловых людей обретет тот, кто прочтет начало письма, составленного в самом конце Треченто в Тоскане. С первых же слов: «уже три часа пополуночи, а я, свободный и одинокий в своем кабинете, перечитываю Ваше письмо, дорогой Франческо»¹⁸ (далее следует длиннейшая благочестивая преамбула) – ломаются стереотипы восприятия, представления о казенном языке и стиле жизни, которые ассоциируются, по крайней мере, в русской культуре, с традицией законников и миром писарей.

¹⁶ Такой материал не просто имеется в доступности в опубликованном виде, но и может быть свободно использован любым лицом вне зависимости от принадлежности к академическому сообществу: например, через Интернет-порталы итальянских медиевистов, прежде всего Reti Medievali (как рубрика *didattica*, так и *scafali*).

¹⁷ Этот текст в электронной форме был недавно приобщен к коллекции портала Reti Medievali. См.: Scrittori religiosi del Trecento // RM Fonti – Scrittori religiosi del Trecento – Testi, 11.htm

¹⁸ Цитирую (по электронной публикации RM Fonti – Scrittori religiosi del Trecento – Testi, 11.htm) письмо, составленное во Флоренции 13.11.1395: “Francesco carissimo. In questa ora 3 di notte, libero e solo nel mio studiolo, ho riletta la vostra lettera. Benché piena di piacevolzze che spesse volte si riecheggiano nelle amistadi, pure il fine del pensiero vostro era et è ottimo, cioè del luogo delle Sacca, presso al vostro abitare, ecc. E prima ch'io ne dica mio parere, vi farò questo preambulo nell'amore di Cristo... che troverete tosto darà gran sole e gran lume al mondo e alla fede ch'era come spenta, e forse molto maggiore che non fé la povertà e la ubbidienza e le stimate di san Francesco. Il qual proemio o preambulo è questo: ch'io tengo che catuno vivente abbia alcuno singular dono e speciale grazia da Dio in questo mondo...”

Скорее, читателю переписки нотариуса и купца итальянского средневековья представляется некая божественная атмосфера, в которой живет человек, жгущий свечи бессонной ночью, забывающий обо всем, и даже о времени, ради интеллектуального удовольствия и дружеских чувств. Но и это впечатление сменяется.

Когда вчитываешься в текст письма, в котором упоминаются стигматы Св. Франциска и передаются весьма эмоциональные благочестивые размышления, создается кентаврический образ предпринимателя и одновременно удачливого вершителя какой-то потусторонней тяжбы, человека весьма преуспевающего в мирских делах, но ставившего превыше всего религиозные переживания и созерцательную жизнь. Заметим, что и автор, и адресат письма относились к числу активных жертвователей и дарителей, чьими заботами процветали францисканские церкви и общины Тосканы. В особенности адресат – благочестивый купец, наживший огромное состояние дальней средиземноморской торговлей, практически все его превратил в те самые инвестиции в иной мир, чему наглядное свидетельство – дожившие до нас в целостности и сохранности стены францисканской церкви города Прато.

Несомненно, что именно таким одухотворенным мирянам нужен был юбилей и отпущение, и даже сформированная затем практика индивидуальных индульгенций. Ведь им, предпринимателям, знающим цену каждой заработанной монете, отнюдь не прожженным дельцам, казалось возможным и даже вполне благочестивым и справедливым то, что с трудом, потом и кровью заработанные средства служат небесному искуплению, при соответствующем умонастроении и покаянном чувстве: здесь происходил, на их взгляд, честный обмен материальных усилий на духовную силу разрешения от грехов, как и при всяком несении епитимии и покаяния. В любом случае, такая инициатива – гораздо более честная и цельная система, чем система инвестиций современного бизнеса, поскольку все участники процесса изначально имели сходные представления, а не пытались вводить в заблуждения партнеров заведомо ложными обещаниями. К тому же такой вариант параллельной экономики гораздо менее виртуален, чем современные иници-

циативы типа «МММ», которые собственно не привносят ничего в экономическое и социальное развитие, в то время как средневековые инвестиции в загробное будущее имели весьма ощутимые и благотворные последствия, в том числе и для спонсирования искусства и для развития благотворительности. Тем более бессмысленно отрицать огромную роль традиции римских христианских юбилеев в процессе превращения обнищавшего средневекового Рима в процветающую апостольскую столицу.

Это очень интересный вариант построения особой виртуальной экономики – параллельной исключительно нашему современному сознанию и представлению об экономических «реалиях», но никак не противоречившей представлениям о реальности средневекового человека, для которого не существовало разрыва светского и сакрального, а чаемое и уму не постижимое почиталось высшей реальностью.

Проблема глобального кризиса в последние годы стала для общественного сознания необычайно актуальной, настолько, что, кажется, затмила дискуссии по поводу религиозного возрождения, а обсуждения роскоши отдельных частных лиц и бедности определенных групп общества всегда являются широко востребованными. Таким образом, казалось бы, вместо «Италия средневековья» можно было подставить другие хронологические и региональные рамки и сохранить ту же постановку темы. Однако специфика итальянских городских центров играет особую роль в историческом развитии данной темы, а специфика средневековых исторических свидетельств и степень их сохранности позволяют рассматривать данные проблемы в различных контекстах и интерпретациях.

После десятилетий моды на исследования казусов, со всех сторон раздаются пожелания и даже требования обретения глобального нарратива, контекста, иногда формулируемое как обращенный к историку наказ «вписать» индивидуальное исследование в этот пресловутый общий контекст. Это требование поражает своей наивностью и обилием внутренних противоречий, как и стремление разделить некие базовые факты и базовые интерпретации. Контекст, как и казус, безусловно, исследовательские конструкты, а не артефакты. Поэтому, ло-

гично заключить, что никакого незыблемого центра этого конструируемого мира нет, и не может быть. Есть более или менее принятые на данный момент представления о маргинальном, магистральном и их взаимосвязи.

Попытки каждый раз сложить заново из фрагментов некий большой контекст хороши исключительно тем, что позволяют и даже заставляют перетасовывать и эти представления, пересматривать обманчивые «константы». Тот единый контекст, который выстраивается из интересующих автора данной статьи исторических сюжетов, весьма обогащает восприятие каждого отдельно взятого вопроса исследования. При исследовании многосторонних «историй», пытаюсь выстроить иерархию взаимосвязанных феноменов, с неизбежностью убеждаешься, что, условно говоря, пограничье «территории историка» вдруг становится центральной ее частью, доминирующей во многих проявлениях.

Отдавая себе отчет в условности и конструируемости того, что мы, историки, называем контекстом и выстраиванием большого нарратива, можно и нужно допустить и то, что казусы, совершенно как будто бы не связанных между собой, в конечном итоге, окажутся объединенными в один ряд, и это укрупнение масштабов станет наиболее перспективной общей магистральной исследовательской стратегией.

Разумеется, такое расширение территории исследования не является конечным достижением, целью и абсолютной истиной, которую нельзя было бы пересмотреть в дальнейшем, хотя бы и в сторону неких апробированных в прошлом методик исследования, показавшихся на каком-то этапе архаическими. Однако, изобретать новые контексты для старых казусов истории, не только необходимо, но и достаточно для динамичного развития дисциплины.